

КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Іюня № 11. 1864 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

РѢЧЬ
ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОЛОВЕНІЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ (*).

Не Моисей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона; что мене ищете убити. Іоан. 7. 19.

Не кончились было въ мірѣ чудеса Іисусовы. Не Іудея токмо и Самарія, Галилея, грады и веси,—цѣлый

(*) Рѣчь эта, по заглавію находящейся у насъ рукописи, „сочинена и произнесена въ кіево-софійскомъ соборѣ звенигородскаго духовнаго правленія присудствующимъ, градской успенской церкви настоятелемъ, священникомъ Андреемъ Жулковскимъ, 1809 г. апрѣля 21 дня“. Это уже второе, извѣстное намъ произведеніе проповѣдническаго пера даровитаго о.

свѣтъ исполняется благовѣстія Его. Слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, нищіе благовѣствуютъ Божію силу, и Божію премудрость.—Но не кончилося жъ напротивъ и ожесточеніе іудеевъ. Видѣли очи ихъ чудеса сіи, слышали уши спасительныя истины благовѣстія Его. Сколь ни жестоко было сердце ихъ, они не могли не почудиться, не могли не признаться въ совѣсти, что никогдаже творилъ на свѣтѣ человѣкъ, якоже творитъ сей Іудеянинъ!

Андрея. Въ прошломъ году помѣстивъ его *Слово въ день Срѣтенія Господня* въ 3-мъ № нашего изданія, мы не колеблясь признали за о. Андреемъ несомнѣнный и сильный талантъ, прибавивъ, что, если бы этому таланту суждено было получить надлежащее развитіе, Кіевъ имѣлъ бы втораго Леванду. Настоящая рѣчь, надѣемся, подтвердитъ высказанное нами мнѣніе. Что, выражаясь технически, можетъ быть суше избранной авторомъ темы—*о разности между ветхимъ и новымъ завѣтомъ?* Подобному предмету мѣсто въ богословскихъ трактатахъ, а не въ рѣчи, предназначенной для церковной каѳедры. Но посмотрите, какъ оживаетъ эта болѣе научная, чѣмъ жизненная тема въ устахъ проповѣдника, оживленнаго глубокимъ и сильнымъ христіанскимъ чувствомъ. Не напрасно о. Андрей назвалъ это произведеніе своею *рѣчью*, а не *словомъ*;—здѣсь анализъ предмета, дѣйствіе мыслительной силы закрывается непрерывнымъ потокомъ самаго живаго и сильнаго христіанскаго чувства, или лучше здѣсь непосредственное изліяніе этого самаго чувства. Проповѣдникъ съ первыхъ словъ становится на точку возвышеннаго созерцанія дѣйствій благодати Божіей, слѣдитъ за ними сперва въ ветхомъ, потомъ въ новомъ завѣтѣ, но прикасается къ нимъ не столько мыслію, сколько своимъ мягкимъ, живымъ чувствомъ; отъ того не только примѣчаетъ, но и живо ощущаетъ и даетъ чувствовать слушателямъ высоту призванія христіанина, его славу, его блаженство. Нисходя потомъ къ обыкновенной жизни, онъ не вдается въ обычныя большинству проповѣдниковъ обличенія, но ограничивается лишь общимъ, но очень сильнымъ указаніемъ на несоотвѣтствіе жизни съ высокимъ призваніемъ христіанскимъ и заканчиваетъ рѣчь трогательнымъ обращеніемъ къ Богу, полнымъ и высокаго благоговѣнія и смиренія, и глубокаго умиленія и сокрушенія,

Но вмѣсто благодарности за таковыя неслыханныя чудеса, за неисщетныя милости и щедроты, вмѣсто совѣстнаго признанія, что онъ есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, жаждутъ омыть руки свои въ кровѣ Его. Они были ему по плоти свои; Онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ и по душѣ своими. Но сіи свои непознаша, не пріяша Его.

Они, прикрывъ злобу свою видомъ святости, громко вопрошали: для чего смѣлъ онъ, ежели онъ Сынъ Божій, въ субботу, въ день Богомъ чрезъ Моусея заповѣданный, въ день, повторяю, покоя отъ трудовъ, тридцатитрилѣтнему несчастливцу даровать новую жизнь?

Великое нарушеніе закона!

Но не Моусей ли, жестокіе! *даде законъ вамъ, и никтоже отъ васъ творитъ закона?* Не Моусей ли заповѣдалъ вамъ имѣть миръ и любовь съ собратіями вашими,—имѣть сострадѣніе къ ближнему несчастному, не взирая ни на какую субботу? Почто же вы разоряете законъ его? Почто дерзкую мысль на Мене простираете ко убійству?—Довлѣло! Постыдились лицемѣры! Рука ихъ не дерзнула прикоснуться къ нему; *не убо пріиде часъ.*—Много предлежало еще подвиговъ, удивлять свѣтъ чудесами,—много несчастныхъ още̂стливить, тысящнихъ народовъ утолить жажду душъ текущимъ изъ благодатныхъ устъ Его ученіемъ.

Воспоминая изшедшаго отъ земли египетскія изъ дому

и самой нѣжной и пламенной любви къ Нему. Словомъ: въ этой, какъ и въ извѣстной уже читателямъ нашимъ проповѣди о. Жулковскаго, самый высокій лиризмъ, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, особенность его таланта. Языкъ и образъ изложенія, чуждый схоластики, много напоминаетъ знаменитаго Леванду. У о. Андрея недостаетъ, правда, тѣхъ живыхъ и смѣлыхъ картинъ, которыми блисталъ Леванда; не смотря на то рѣчь его едва ли не живѣе и не теплѣе, чѣмъ у самаго Леванды.—Во вниманіе къ такимъ несомнѣннымъ достоинствамъ проповѣдей о. Андрея, Редакція была бы весьма признательна тому, кто сообщилъ бы ей новыя, неизвѣстныя его произведенія, о чемъ въ особенности проситъ родныхъ покойнаго.

работы Израиля празднованіе въ кущахъ, день сей—день преполовенія между великими Пасхою и Пятидесятницею, вникнемъ въ законъ и дѣянія ветхаго и новаго человѣка.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Начатое слово благословить архипастырски всемилостивѣйше прошу.

Новый Израиль, сидя подъ сѣнію благодати, а не законовъ, съ удивленіемъ взираетъ сквозь глубину вѣковъ на мимошедшія времена. Но почто видѣніе его измѣняется отъ ужаса? Что за страхъ? Что за чудо такое приводитъ въ содроганіе душу его?—Тамъ представляется виду его несчастный убійца Авелевъ, проклятый отъ Бога, трясущійся, во всю свою жизнь ищущій, чтобы кто нибудь убилъ его, а тѣмъ свободилъ бы отъ несносной жизни. Но люди руки возложить, а земля въ нѣдра свои принять отреклись отъ него.

Съ поспѣшностію отвративъ очи свои отъ жалкой картины сей, пробѣгаетъ онъ тысячи несчастныхъ жертвъ грѣха, и не можетъ не остановиться надъ Содомомъ. Новая картина печали и жалости. Тамъ видитъ онъ тысячи несщастныхъ содомлянъ, вдругъ живыхъ низверженныхъ въ бездну погибели. Алчная земля, разверзъ страшный зѣвъ свой, пожрала ихъ. Крики и вопли, жалобы и стенанія не внемлемы. Раздраженный Судія правды отвратилъ очи и уши, чтобы не видѣть и не слышать жалкихъ гласовъ ихъ. Умрите—безвременно—не по естеству. Умрите несчастные, ежели не умѣли, не хотѣли воздавать Божія Богове.—Тамъ бѣдная жена праведника, образъ и подобіе человѣка, слѣдовательно Божіе, вдругъ остолбенѣла за то только, что оглянулась на погибающихъ соотечественниковъ своихъ. Жди, жди, несчастная, послѣдней трубы, пока по гласу [illegible] оной преобразишься опять въ себя, когда презрѣла ты заповѣдь Божію!

Тысячи примѣровъ видитъ онъ строгихъ, но праведныхъ опредѣленій Божіихъ,—нечаянныхъ, за преступленіями слѣдовавшихъ вдругъ. И не праведное ли содроганіе его?

Но не дивися сему, останови страхи твои, огражденный отъ таковыхъ внезапностей, новый сынъ благодати Іисусъ Христовой. Законъ того требовалъ; таково

было опредѣленіе Божіе:—убилъ ли кто кого, въ ту минуту убьютъ и его; протянулъ ли руку на чужое, ограбленъ будетъ и самъ; содѣлалъ ли неправду и беззаконіе предъ Господемъ, не потерпѣлъ Онъ долго ему.

Но когда прейде сѣнь законная, благодати пришедшей, взглянемъ на свѣтъ сей. Сколь великая разница! Кровь ліющаяся съ Голгоѳы, со креста, того же самаго Законодавца содѣлала болѣе склоннымъ къ милосердію, нежели къ жестокости. Вдвое согрѣшаемъ, но что вдвое? вдесятеро иногда, нежели ветхозаконники: и бьемъ, и убиваемъ, и грабимъ, и крадемъ—и явно и тайно, попираемъ и законъ Божій, и законъ естественный, но понеже купленны дорогою кровію Сына Божія, мы у Бога дороги. Онъ посылаетъ громы на устрашеніе,—милаго, благодатнаго своего Законопреступника, но—когда закононарушитель сей содрогается и приходитъ въ себя. Громы мимоходятъ, и онъ все еще живетъ на свѣтѣ. Потребленна клятва, смерть умерщвленна, мы ожили, ожили и—живемъ на славу, на хвалу и прославленіе святѣйшаго имене Твоего, Искупителю, Милователю нашъ драгоцѣнный!

Радъ былъ Авраамъ видѣть день сей, онъ и увидѣлъ его послѣ: но не тогда, когда жилъ на свѣтѣ, и когда хотѣлось ему. У дуба мамврійскаго въ странноприимчествѣ прообразованіе ему токмо явилось. Сидя во тьмѣ и сѣни смертнѣй, ощутилъ онъ его во всей своей силѣ послѣ уже. Мы гораздо счастливѣе его: живемъ, не умирали еще, смерть не покрывала еще темною завѣсою очей нашихъ; но мы видимъ его не въ гаданіяхъ, не въ прообразованіи, — лицемъ къ лицу,—видимъ и пресыщаемся до избытка благодатною его свѣтлостію.

Счастливо было племя Іяковлево, возлюбленный Богу Израиль. Огражденъ онъ былъ рукою крѣпкою и мышцею высокою. Столпъ облачный днемъ, и столпъ огненный нощію, изводили его отъ земли египетскія изъ дому тяжкой, нестерпимой работы фараонской. Но мы счастливѣе его. Намъ не нуженъ ни днемъ, ни ночью, ни столпъ облачный, ни огненный къ превожденію насъ отъ работы грѣховной, когда праведное возсія Солнце для спасенія,

для укрѣпленія путей жизни нашей. Не нуженъ намъ Моvсей, когда явися намъ Спасъ—благодать и истина, Іисусъ—спасеніе душъ нашихъ.

Они въ пустыни ѣли пасху въ воспоминаніе избавленія ихъ изъ Египта. Мы, воспоминая наше избавленіе отъ первородной клятвы, жремъ новую чистительную Пасху. Предъ нами, за насъ и для насъ же, яко единолѣтный агнецъ, заклася волею самъ Христосъ. Они праздновали смерть гонителей своихъ въ пучинѣ Чермнаго моря погрязшихъ. Мы празднуемъ умерщвленіе самой смерти, адово умерщвленіе, начало живота инаго,—новаго, вѣчнаго, спасительнаго.

Они укрѣпляли естественную необходимость въ пустынѣ манною. Нѣчимъ было имъ тамъ насытить душу алчущу, а потому хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ. Брашно послано ему отъ Бога до сытости. Мы, свобождшеся отъ порабощенія грѣха, чтобы намъ уже болѣе къ тому не работати грѣху, укрѣпляемъ душевную нашу необходимость самымъ тѣломъ и кровію Сына Божія, и по спасительному Его преданію, имамы животъ вѣчный,—безъ страха закріемъ очи, легая во гробъ, безъ страха возстанемъ и предстанемъ страшному, но справедливому судищу Его.

Мы еще счастливѣе израильтянъ, потому что имъ законъ Божій вручилъ Моvсей—мужъ исполненный духа святости, но однако человѣкъ.—Мы пріяхомъ благодать, возблагодать, самимъ единороднымъ Сыномъ того же живаго Бога, Іисусъ Христомъ.

Оставивъ израильтянъ, посмотримъ на себя съ другой стороны,—вникнемъ въ свои дѣла, а не чужія. Сколь счастливы мы у Бога, толико не благодарны предъ Богомъ же вдвое.

Посрамлялъ, обличалъ Онъ іудеевъ, для чего они вѣдая законъ и преданія Моvсеевы, не творили ни по дѣломъ, ни по преданіямъ его. *Не Моvсей ли вамъ законъ даде, и никтоже отъ васъ закона творитъ.* Но чемъ оправдится наша плоть предъ Богомъ, когда въ свое время, искупивый насъ отъ клятвы законныя на крестѣ кровію

своею честною, источивый для насъ безсмертіе смертію своею Сынъ Божій, спроситъ у насъ: не Азъ ли Господь Богъ вашъ, изведый васъ изъ тьмы и сѣни смертнѣй, отъ земли, изъ дому работы грѣховной, разрѣшивый васъ отъ клятвы, бывъ самъ по васъ клятва. Не Азъ ли дахъ вамъ образъ, дахъ заповѣдь новую гораздо легкую, гораздо удобопреносимую? По чтожъ вы неслѣдуете стопамъ моимъ? Почто разоряете законъ? Съ іудеями соблазняясь, съ еллинами безумствуя, зиждете новый крестъ и опять распять Меня на ономъ хотите. Не дамъ, не пошлю на васъ духа новой моей благодати, когда сію въ нераскаяніи потеряете.

Строгій, но праведный вопросъ! Недостанетъ силъ отвѣчать на оный. Болѣе посрамленны будемъ, нежели фарисеи. Въ нищетѣ изнеможетъ крѣпость наша, и душа нераскаянная смятется зѣло. Она будетъ въ поношеніе сосѣдомъ своимъ, которые лучше разумѣли Бога, — законъ, заповѣди, оправданія и судьбы Его.

Но потерпи намъ еще, Создателю нашъ! Знаемъ, что мы грѣшны, но исповѣдуемъ, что ты милосердъ. Лишъ раскаемся, лишъ воздохнемъ, обятія твои готовы, отверзты для слабаго созданія.

Бѣдная Самаряныня! когда приходила къ студенцу Іаковлеву почерпнути воды, вѣрно бы несказала тебѣ Христу: како ты, жидовинъ, пити просиши, ежели бы знала, что ты Христосъ, обѣщанный Мессія, Богъ. Сердце ея, конечно, немогло въ простомъ видѣ человѣка увидѣть Бога.

Мы вшедша Тебя въ день сей, въ день преполовенія въ святилище для наученія народа видимъ, — видимъ, и не вопрошаемъ Тебя, кто ты? Познаемъ и признаемъ, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что ты Богъ нашъ Оставъ неблагодарныхъ іудеевъ, когда они, не пріемля спасительныхъ истинъ твоихъ, состязаются съ тобою. Къ намъ гряди! — Наши души жаждутъ тебя. На нихъ посѣй сѣмя ученія твоего. Тутъ возрастетъ сторичный плодъ. Утоли жажду нашу истиннаго благочестія водами, — ученіемъ, благостію, милостями твоими безконечными, да не вжаждемся во вѣки. — Аминь.

КЪ ДѢЛУ О СОЖЖЕНІИ ПОЛЯКАМИ И УНІЯТАМИ МЛІЕВСКАГО ЖИТЕЛЯ ДАНІИЛА КУШНИРА 29 ІЮНЯ 1766 ГОДА.

Записка объ этомъ варварскомъ дѣлѣ поляковъ и уніятовъ, составленная въ бывшей переяславской духовной консисторіи, на основаніи разсказовъ очевидцевъ, напечатана прот. П. Л-мъ во 2-мъ № „Руководства для сел. пастырей“ за 1860 г. Въ архивѣ кіевской духовной консисторіи, между дѣлами переяславской епархіи, къ которой въ прошломъ вѣкѣ принадлежали обѣ церкви м. Мліева, мы нашли дѣло о присоединеніи мліевцевъ къ православію, подробно раскрывающее причины безчеловѣчной мести поляковъ и уніятовъ, въ особенности уніятскаго протопопа Гдѣшицкаго, Кушниру и мліевцамъ въ его лицѣ. Мы передадимъ важнѣйшія мѣста этого дѣла въ подлинникѣ. Но дѣло мліевцевъ находится въ непосредственной связи съ тогдашнимъ движеніемъ всей сѣверо-восточной части Украйны, отъ Звенигородки и Калныболотъ до Черкасъ и Чигирина. Это движеніе началось въ концѣ февраля 1766 года, вслѣдъ за первыми, полученными вѣстями, отъ знаменитаго игумена мотронинскаго монастыря Мелхиседека Яворскаго — изъ Варшавы, гдѣ онъ находился тогда на сеймѣ въ качествѣ ходатая за несчастный народъ украинскій, и продолжалось до начала іюня того же года, когда вступило сюда нѣсколько тысячъ польскихъ войскъ, и начались страшныя тиранства надъ православными священниками и народомъ. Въ брошюрѣ *Ѳ. Г. Лебединцева: „Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій“ (Кіевъ. 1861 года)* то короткое время представлено съ той стороны, которою оно непосредственно относилось къ личности Мелхиседека, т. е. приключенія

Мелхиседека на обратномъ пути его изъ Варшавы въ мотренинскій монастырь и личныя сношенія его съ мѣстными польско-уніятскими властями, по поводу привезенныхъ имъ королевскихъ и сеймовыхъ постановленій о непритѣсненіи православныхъ украинцевъ въ дѣлахъ вѣры. Въ той же связкѣ дѣлъ переяславской консисторіи 1766 года, въ которой мы встрѣтили дѣло млıевцевъ, есть еще нѣсколько дѣлъ, которыя представляютъ это время, съ конца февраля до начала іюня, съ другой стороны, именно то, что происходило въ это время въ народѣ, по деревнямъ. Происходило тогда здѣсь всеобщее востаніе противъ уніи и всеобщее присоединеніе къ православію—съ одной стороны, страхъ и тревоги—съ другой. Представимъ это дѣло по сказаннымъ нами бумагамъ переяславской консисторіи.

И эти бумаги всѣ едногласно завѣряютъ, что въ этомъ краѣ, послѣ прутскаго договора снова отданномъ Россіею Польшѣ, было повсюду православіе даже до 40-хъ годовъ того вѣка. Уніятская пропаганда вторгается сюда только съ 1743 года. Дѣятельнѣйшимъ пропагандистомъ уніи въ этихъ мѣстахъ и злымъ врагомъ православія наши акты называютъ уніятскаго протопопа Аѳанасія Гдишицкаго. Сначала онъ явился простымъ уніятскимъ парохомъ въ с. Березняки; въ 1749 году сдѣланъ смѣлянскимъ протопопомъ, а впослѣдствіи переведенъ на протопопію мошенскую. Его то стараніемъ, въ короткое время вся смѣлянщина обращена въ унію. Но съ 1762 года начинается возвращеніе къ православію. Это сдѣлано личными усиліями Мелхиседека, назначеннаго въ 1761 году игуменомъ мотренинскаго православнаго монастыря. Но присоединеніе шло медленно, потому что, кромѣ дѣятельности Мелхиседековой, народъ не имѣлъ другихъ болѣе сильныхъ побужденій, а главное—гарантій для свободнаго исповѣданія православной вѣры. Мелхиседекъ рѣшился добиться этихъ гарантій и въ генварѣ 1766 года явился въ Варшаву на сеймъ. Вся околица съ нетерпѣніемъ ожидала вѣстей отъ Мелхиседека, и наконецъ эти „радостныя вѣсти“ получены въ концѣ февраля. Быстро разнес-

лись онѣ изъ мотронинскаго монастыря, и тысячи народа повалили туда, чтобы лично выслушать ихъ. Возвращаясь въ свои деревни, каждая громада сходилась къ церкви, и предъ иконою или крестомъ торжественно отрекалась отъ уніи и клялась оставаться въ православіи, „не щадя живота своего до послѣдней капли крови". Затѣмъ она призывала къ себѣ своего священника—уніята, и предлагала и ему сдѣлать тоже: если священникъ не хотѣлъ оставить унію, отъ него отбирали церковные ключи, и искали себѣ кандидата на приходъ. Но такихъ священниковъ нашлось весьма мало, на 50 почти приходовъ—только три, въ томъ числѣ два сына протопопа Гдишицкаго, священники м. Мліева; но и тѣ, по прибытіи Мелхиседека въ мотренинскій монастырь, изъявили готовность присоединиться „на благочестіе". Затѣмъ громады шли въ монастырь, и здѣсь снова произносили отреченіе отъ уніи и письменно завѣряли свое рѣшеніе принять православіе. Намѣстникъ Гавріилъ и шафаръ Елпидифоръ, управлявшіе монастыремъ въ отсутствіе Мелхиседека, принимали отъ нихъ въ церкви исповѣданіе православной вѣры и уніятскіе антиминсы, и, избравъ отъ каждаго прихода депутаціи, посылали ихъ въ Переяславль къ епископу Гервасію, съ формальнымъ прошеніемъ о присоединеніи къ православной церкви и о принятіи въ вѣдомство переяславской епархіи. Гервасій всѣхъ принималъ „Спасителя милосердаго простертыми руками" и „веселящеся," а уніятскимъ священникамъ, послѣ формальнаго отреченія ихъ отъ уніи, выдавалъ свои ставленныя грамоты и антиминсы, и отсылалъ въ мотренинскій монастырь для обученія православному богослуженію. Но какъ уроженецъ этого края, хорошо понимавшій духъ шляхты, Гервасій предвидѣлъ, что въ такомъ общемъ движеніи народа поляки и уніяты не преминутъ выставить бунтъ противъ правительства, а въ поведеніи мотренинскаго монастыря, подчиненнаго русской (переяславской) консисторіи,—интригу и подстрекательство для своекорыстныхъ цѣлей. Потому то, въ самомъ почти началѣ этаго движенія отъ 3-го марта онъ писалъ шафару Елпидифору, чрезъ своего писаря

Іоанна Стебницкаго, чтобы монастырь держалъ себя возможно умѣренно въ этомъ дѣлѣ, не принималъ бы на себя исключительной инипіативы, и внушалъ бы народу, что обращеніе къ православной церкви „зависитъ отъ воли и силы Господней и Его божественнаго промысла, на которой оніе народы болѣе всего слагатися должны, понеже, кромѣ Того, никто имъ столько допомогти не можетъ; притомъ, елико можно, должны они склонятись панамъ своимъ и ихъ просити о свободѣ, а никакимъ образомъ не прогнѣвляти ихъ, и тое дѣлати не раптово, но все помалу малу. Господь вѣсть како устроити“ (*). Въ числѣ первыхъ обратившихся въ это время въ православіе были громады: одна Ольшанская съ своимъ священникомъ Симеономъ Ѳедоровичемъ (28 февраля) и одна мошенская съ священникомъ Маркомъ Клиницкимъ (10 февраля), отецъ котораго Романъ былъ въ Мошнахъ, прежде Глишицкаго, уніятскимъ протопопомъ. Отпуская ихъ на приходы свои, Гервасій поручилъ имъ завѣдываніе и руководство всѣми дѣлами новообращающихся—каждому въ своемъ околоткѣ. Такимъ образомъ, явились здѣсь, кромѣ чигиринскаго духовнаго правленія, учрежденнаго въ 1761 году, еще два церковно-православныя управленія—въ Чигиринѣ, черкащинѣ и смѣлянщинѣ, такъ что мотренинскій монастырь формально устранялся отъ управленія. Но послѣдній уже не въ силахъ былъ отступить отъ своей роли; народъ, считая его главою и вожатаемъ въ религіозныхъ своихъ интересахъ, со всѣхъ сторонъ стекался къ нему за „присягою на благочестіе“. Къ тому же, въ народѣ пошла молва, что одинъ изъ членовъ чигиринскаго духовнаго правленія, Максимъ Левицкій, которому поручено было непосредственное завѣдываніе дѣлами чигиринцевъ, въ качествѣ благочиннаго, втайнѣ содержитъ унію, что громады заявляли даже въ переяславской консисторіи, какъ причину, по которой онѣ обращаются съ своими дѣлами къ мотренин-

---

(*) Въ связкѣ № 109. Черновое письмо Стебницкаго къ Елпидифору.

скому монастырю, а не къ Левитскому (*); а Маркъ Клиницкій уже потому не могъ привлекать къ себѣ новообращающихся, что тутъ же въ Мошнахъ жилъ „неописанный гонитель благочестія“ Аѳанасій Гдишицкій. Такимъ образомъ, волею—неволею, мотронинскій монастырь долженъ былъ продолжать свою роль, особенно въ черкащинѣ и чигиринщинѣ, удовлетворяя народному требованію, такъ что у Клиницкаго и въ чигиринскомъ духовномъ правленіи производились только канцелярскія формальности этого дѣла, душею котораго былъ онъ. Еще 25 марта Елпидифоръ писалъ въ переяславскую каѳедру, что у него „набралось уже съ полтора десятка и больше уніатскихъ антиминсовъ“ (**), присоединеніе шло потомъ успѣшно даже до начала іюня; но между нашими бумагами остались дѣла или только указанія на присоединеніе, при непосредственномъ участіи монастыря, отъ конца февраля до начала іюня, слѣдующихъ мѣстъ: *Черкасъ*, *Липянки*, *Ходяковъ*, *Талдыкъ*, *Лисекъ*, *Синявы*, *Туболецъ*, *Матусьева*, *Моринецъ*, *Свидовка*, *Степанокъ*, *Макіевки*, *Бѣлозерья*, *Березняковъ*, *Михайловки*, въ томъ числѣ и *Мліева*. Успѣшно дѣйствовалъ въ смилянщинѣ и Симеонъ Ѳедоровичъ (писался и Ѳедоровымъ—по имени отца своего Ѳедора). Самъ онъ рукоположенъ былъ во священника переяславскимъ православнымъ епископомъ Арсеніемъ Берломъ въ 1737 году въ с. Селище; уніатская пропаганда заставила принять унію, въ 1760 году онъ уступилъ Селище своему сыну, а самъ получилъ одинъ изъ двухъ приходовъ м. Ольшаной (***). Къ концу мая стараніемъ его возвращены къ православной церкви слѣдующія мѣста: *Смѣла*—съ 4 приходами, *Валява* съ 2 приходами, *Ольшана* съ 2 приходами, *Вязовокъ* съ 2 приходами, *Журавка*, *Гнилецъ*,

(*) Въ связкѣ № 126. Черновое письмо писаря Стебницкаго къ Елпидифору.

(**) Въ связкѣ № 127. Елпидифора къ Стебницкому.

(***) Въ Связкѣ № 118 Прошеніе Ѳедоровича Гервасію о присоединеніи его съ приходомъ его къ православной церкви—отъ 28 февраля 1766 года.

Кирилловка, *Тарасовка*, *Моринцы*, *Будища*, *Капустина* съ 2 приходами, *Бизуки*, *Виргуны*, *Дубіевка*, *Звенигородка* съ 2 приходами, *Калниболоты* съ 2 приходами, *Богачовка* и *Стебное* (*).

Приказывая мотронинскому монастырю, чтобы онъ убѣждалъ народъ „елико можно склонятися панамъ своимъ и ихъ просити о свободѣ, а никакимъ образомъ не прогнѣвляти, и тое (присоединеніе) дѣлати не раптово, но все по малу малу," Гервасій не ошибся въ своихъ опасеніяхъ на счетъ шляхты. Какъ эта послѣдняя взглянула на религіозное движеніе народа, не произведшее ни одного гражданскаго безпорядка, это вполнѣ характеризуетъ письмо черкаскаго губернарора (управляющаго имѣніемъ) *Пенцельскаго* на имя игумена мотренинскаго монастыря. Предостереженіе отъ Гервасія отправлено 3-го марта, а письмо Пенцельскаго марта 8-го. Приводимъ его сполна, какъ образецъ гражданской безтолковости, гордаго самоволія и легкомыслія мелкаго шляхтича польскаго, уполномоченнаго помѣщикомъ на жизнь и смерть его крѣпостныхъ. „До нынѣшняго времене не имѣлъ я таковаго случая къ вамъ писать въ каковомъ бы дѣлѣ, но теперича по крайней мѣрѣ и великой нуждѣ нарочнаго козака къ вашей велебности зъ моимъ писаніемъ посылаю, хотячи увѣдомитися подостаточнѣе, каковымъ то *прелщеніемъ* отъ васъ и вашего монастира ввесь народъ черкаскій *бунты превеликіе* повзяли, которыхъ никогда же до нынѣшняго времене не бывало, якіе они теперича дѣлаютъ, що священникамъ своимъ привеликую обиду чинятъ и гнушаются ними горѣе свѣцкихъ особъ (*), и мнѣ самому радости що денне въ дворѣ не даютъ и *нападаютъ*. Въ томъ непомалу дивуюся, що сколко есть монастыровъ, въ которыхъ часто народъ тутейшій бываетъ, то отъ жаднаго монастира толикихъ *бунтовъ и гойдамащины* не повзяли, якъ отъ вашего монастира. Не вѣдаю, яковая то имъ сладость состоитъ? Знать же то очевиста рѣчь и явне дает-

---

(*) Въ связкѣ № 177. Донесеніе Ѳедоровича Гервасію.

ся видѣти, что вы онихъ въ своемъ монастирѣ не по писанію божественному дѣла и словесы стязаете, но точію *прелщенiемъ а мамоною свѣта сего на всякое злое приводите и наущаете, сѣючи плевели предъ ними*, и даючи онимъ причину до тихъ *бунтовъ*. Разсудѣте собѣ сами, чили то есть годива рѣчь *приказовати* народовѣ, дабы въ своихъ священниковъ не сповѣдалися и святихъ таинъ не прiобщалися, до антидора не ходили, благословенiя не брали, дѣтей ихъ не крестили, умершихъ не ховали, благословенiя въ церкви не чекали, и ключи отъ священниковъ церковнiе отбирали, яко и теперича здесь въ Черкасахъ по вашему *повелѣнiю* громада *збунтовавшися* ключи одобрали, сами тѣла умершихъ безъ вѣдомости священника закопуютъ. Спрошую я ихъ: що то вы тое дѣлаете, и кто васъ на тое приводитъ? Вся громада на тое отповѣдаетъ, що намъ отъ монастыра мотренинскаго таковiй *приказъ* да бисмо такъ дѣлали. Разсудѣте, чи такая рѣчь цензури не годна? и Богу не есть противно, и священникомъ не обида, что теперешняго времене на первой седмици поста ключи церковнiе отъ церкви одобрали, и въ церквѣ священнодѣйствовать и иннiе обряди церковнiе, включаежъ и сакрамента святiе, адмѣнѣстровати забороняютъ и не допущаютъ? Не за долгiй часъ комусь прiидетъ на тое все оправдатися на очну ставку предъ приложоними старшихъ (sic), зъ кого тiе *бунти* вышли и кто ихъ на тое наущае. Добре есть свидѣтельство, вся громада не затаится своихъ словесъ въ томъ, що якъ имъ въ монастырѣ приказали дѣлати, такъ они тежъ дѣлаютъ. На каковiй то конецъ прiидетъ тое дѣло, которое будетъ всѣмъ явно, *для иныхъ опасно*, и дѣлающимъ тое *смертно ужасно?* Я, нетерпячи больше того клопотъ и тихъ бунтовъ, другаго козака нарочнаго посилаю до преосвященнаго переяславскаго зъ доношенiемъ, чи онъ о таковомъ послѣдующемъ *развращенiи и плевелахъ* отъ вашего монастира нашей громадѣ вѣдаетъ, а самъ ѣду до князя пана моего зъ тимъ извѣстiемъ, что въ его державѣ, чрезъ таковое то монастирское *прелщенiе и наущенiе*, не малiе *бунти* зачинаются..." Грозитъ дальше монастырю судомъ

королевским и „Ея великаго свѣта Государини Императрици"... „А мужикам, которіе *бунтуются за вашимъ благословеніемъ*, не ина кара постигаетъ, *яко уже о томъ войско есть извѣстие, которого краткими времени сподѣваются*,—то не оборонитъ и ваше благословеніе, якъ *десятокъ албо другий на три дерева почепятъ и на пали повитягаютъ за проповѣдниковъ, даби, на палѣхъ сижучи, проповѣдовали другимъ, щоби засмотровалися на ихъ злостраждущую смерть, и таковихъ бунтовъ не чинили*, яко и теперича доконечне сихъ священниковъ наказанія слухати не хотятъ, но толко монастырскаго изъ того собѣ ченця хотятъ привезти, даби имъ въ церквѣ служилъ. Толко не дай Боже, якъ бы моглъ яковий то чернецъ на таковое дѣло отважитися до тутейшихъ церковъ служити, то *скоштуетъ сотнѣ и другои барбаръ* (плетей), а нарешту *наслѣдитъ обозу въ вѣиску*, что такъ разумѣю, же своего часу тіежъ громада будутъ на васъ сожалѣвати, якъ *ни еденъ постраждетъ смертію* за тое. А за тымъ, якосте между ними *развращеніе* учинили, такъ ихъ наставте, даби тихъ *бунтовъ* болшъ не било".—Въ упомянутомъ письмѣ Пенцельскаго въ Гервасію, посланномъ 21 марта, говорится тоже самое о *бунтахъ* и *прельщеніяхъ*. Понятно, такимъ образомъ, кто призвалъ сюда польское войско такъ свирѣпствовавшее надъ присоединенными священниками, и громадами и сжегшее Даніила Кушнира, и почему Мокрицкій тиранилъ особенно черкасцевъ, разрывая однимъ рты, другимъ выворачивая руки и ноги, а троихъ умертвилъ (*). Намѣстникъ мотренинскаго монастыря Гавріилъ отвѣчалъ Пенцельскому коротко и сухо, отсылая его къ Гервасію и къ духовному чигиринскому правленію, „где порядкомъ, въ силу приказу архіерейского, чинится дѣлъ церковныхъ исполненіе", и представляя, что „бунтоватися, запирати церкви, отбирати и другое дѣлать монастиръ

(*) *Архим. Мелхиседекъ Значко-Яворскій*—Ѳ Лебединцева, стр. 49.

никому не указуетъ" (*). Себя то монастырь выгородилъ этимъ письмомъ отъ польскихъ нареканій, но не разъяснилъ дѣла, какъ бы слѣдовало, и предоставилъ поляку думать, что народъ бунтуется, что нужно войско для усмиренія его (**). Неизвѣстно, что отвѣчалъ и отвѣчалъ ли Пенцельскому Гервасій. Тѣмъ неменѣе, послѣ этой переписки, распоряженіе Гервасія 3-го марта вмѣнено въ обязанность каждой громадѣ, желавшей присоединиться къ православію. И такія громады, дѣйствительно, прежде всякой другой формальности, шли къ своимъ панамъ и управителямъ „съ прозьбою о дозволеніи имъ принять православіе". Комиссары: звѣнигородскій *Лясковсій* и смѣлянскій *Дворанскій* ни одной громадѣ не препятствовали въ этомъ, и отдавали это дѣло на волю ихъ. Только Пенцельскій продолжалъ злиться: въ началѣ мая громада Дубіевская пришла къ нему *съ прозьбою о православіи*, Пенцельскій закричалъ: „кто между вами на благочестіе приводитъ? дайте мнѣ такого, то я кіями убью до смерти" (***). Степанковской громадѣ онъ „похвалки разніе непотребные прилагалъ и всячески къ православію не допускалъ" (****). Что касается монаховъ, то послѣ письма Пенцельскаго въ мотренинскій монастырь, имъ опасно было показываться внѣ монастыря. Еще въ мартѣ Елпидифоръ извѣщалъ писаря Стебницкаго, что Аркадій, братъ Мелхиседека, возвращаясь изъ Переяславля, куда онъ ѣздилъ отъ мотренинскаго монастыря по дѣлу о присоединеніи жителей с. Моринецъ, „заарештованъ" на перевозѣ въ Сѣкирной, и что протопопъ Гдишицкій, встрѣтивъ на дорогѣ двухъ мошенскихъ монаховъ, шедшихъ съ намѣреніемъ узнать, гдѣ находился тогда Мелхиседекъ,

(*) Письма Пенцельскаго и копія съ отвѣта ему Елпидифора въ связкѣ № 117.

(**) Впрочемъ Пенцельскій не могъ не знать о подтвержденіи привиллегій на свободное исповѣданіе вѣры православной. *Ред.*

(***) Въ связкѣ № 158. Прошеніе жителей Дубіевки на имя Гервасія.

(****) Въ связкѣ № 159. Прошеніе жителей Степанковскихъ Гервасію.

„билъ ихъ доволно, отобралъ листъ, скопіовалъ, а они где монахи не извѣстно“ (*).

Въ началѣ іюня все еще присоединяются къ православію. Къ половинѣ іюня уже никто и не поминаетъ про него, польскія войска заняли весь край, началось возвращеніе къ уніи, а іюня 29 сожженъ мученикъ Даніилъ. Въ іюлѣ членъ чигиринскаго духовнаго правленія Максимъ Левитскій доноситъ Гервасію, что „крайніе наважденія на форпостахъ въ Днѣпровомъ перевозу отъ поляковъ священникамъ, яко то многихъ и до крайнего имущества позабрано, а многіе и кары тѣлесные претерпѣвали“ и что польскіе разъѣзды „где толко зъ священства уловятъ, забивши въ колодки, албо въ желѣза, подъ крѣпкимъ карауломъ къ оффиціалу отсылаютъ, и тамъ за скорымъ прибытіемъ волоса, которіе на головѣ и бородѣ, обголивши, въ преисподнюю тюрму закинутъ на непоблажное въ далшій часъ наказаніе“ (**). Въ іюлѣ же новообращенные священники: м. Смѣлой *Даніилъ Лукашевичъ*, с. Макіевки *Іосифъ Кирилловъ*, с. Валявы *Іоаннъ Филиповичъ* и *Іоаннъ Диманскій*, едва спасшіеся бѣгствомъ, скитаются за Днѣпромъ, проживая то въ Переяславлѣ, то въ Кіевѣ, а Кирилловъ пробирается въ Сѣчь (***).

Теперь представимъ нѣсколько документовъ изъ дѣла Мліевцевъ (†)—обоихъ приходовъ.

1) Прошеніе на имя Гервасія мліевцевъ *троицкаго* прихода, отъ 21 марта 1766 года:

„Полской области, губерніи смѣлянской обиватели, и мы, нижайшіе мѣстечка Мглѣева церкви живоначалнія Тройцы, зъ прародителей нашихъ, и какъ только мы слишимъ а нѣкоторые знаютъ и совершенно вѣдаютъ, за священствомъ содержуя грекороссійское православно-восточной церквы исповѣданіе, принадлежали къ епархіи переяславской, и отъ оной епархіи какъ священники руко-

(*) Въ связкѣ № 127. Письмо Елпидифора.

(**) Тамъ же № 120. Донесеніе Максима Гервасію.

(***) Тамъ же № 103.—Дѣло о выдачѣ паспортовъ.

(†) **Дѣло Мліевцевъ—въ связкѣ нашей №№ 124, 125, и 163.**

полагаемы, такъ церквы въ оной губерніи, по чину святія православно-восточнія церквы, закладаеми и освящаеми были. А потомъ, назадъ тому будетъ болѣе пятнадцати (лѣтъ), невѣдомо почему, епархіи радомышлской протопопъ смѣлянскій (кой нинѣ мошенскимъ протопопою) Аѳанасій Гдѣшицкій когда началъ принуждать въ насъ имѣвшагося тогда православнаго священника Даніила Григоріева къ римскому исповѣданію, и чтобъ принадлежалъ къ оной уже радомышлской епархіи; то онъ, хотя крайне на то склонятись не хотѣлъ, но, по гонителству онаго протопопа, принужденъ и церковное отправленіе чинить по тамошнему обикновенію, а потомъ, не утерпя онаго инославія римскаго, поживъ толко при томъ приходѣ какъ бы съ пять лѣтъ, бѣжалъ оттуду въ епархію вашего преосвященства, и нинѣ въ крѣпости святія Елисаветы при фурштатской церквѣ находится. А после того, показанній протопопъ Аѳанасій въ оной уже радомишлской епархіи рукополагавшихся священниковъ во вѣкаріевъ въ тотъ приходъ опредѣлялъ, которіе такъ же по тамошнему обыкновенію отправленіе чинили. Мы, видячи въ обрядахъ церковнихъ нѣкоторую противо прежнихъ вводимую отмѣну, съ чего еще и болшое, весма противное, къ римскимъ обрядамъ сходное помѣшателство слѣдуетъ, во время святихъ постовъ мы всѣ иніе къ православно-восточнымъ приходскимъ церквамъ у православныхъ священниковъ, а другіе въ мотренинскомъ благочестивомъ, къ епархіи вашего преосвященства принадлежащомъ монастирѣ исповѣдь и причастіе святыхъ таинъ до сего времени получали. Между тѣмъ оной же протопопъ и сына своего священника *Ѳеодора*, рукоположеннаго радомишлскимъ архіереемъ Филиппомъ Володкевичемъ, прислалъ къ оной нашей святія живоначальнія тройцы церквѣ за цѣлопарохіалнаго уже настоятеля, которіи и нынѣ въ томъ мѣстечкѣ Мглѣевѣ (чему уже годовъ до семи имѣется) находится. А сего 1766 года, на сиропустной седмицѣ, возревновавъ по благочестіи, искренно желая обратиться къ православно-восточной грекороссійской церквѣ и быть подъ епархіею переяславскою вѣчно, и взявъ икону пресвятія Богородицы,

всѣ единодушно предъ оною иконою присягли въ томъ, что мы и потомство наше вѣчно и явно хранить имѣемъ истинное православно-восточной грекороссійской церквы исповѣданіе, и во время гоненія на церковъ Божію живота своего не щадѣть. А притомъ и оному священнику Ѳеодору обявили, чтобъ онъ, ежели пожелаетъ, ехалъ въ катедру вашего преосвященства съ прошеніемъ о томъ отъ вашего преосвященства архипастирскаго благословенія; то оной священникъ, не желая быть въ паствѣ вашего преосвященства, на таковое наше намѣреніе не склонился. После того, мы, согласясь обще всѣ, поехали въ мотренинскій монастиръ и тамо такъ же присягою и писменнимъ собственноручно крестами святими подписанимъ обовязателствомъ обовязались, которое тамо и оставлено, съ тѣмъ чтобъ оттуду прислано было къ вашему преосвященству. Возвратившися жъ оттуду въ вишеписанное мѣстечко Мглѣевъ, и паки оному жъ священнику о обращеніи въ паству вашего преосвященства говорили; однакъ онъ, вовся уже на то не склоняясь, объявилъ намъ: „есть де у нашего архіерея много парохій, где пожелаю тамо и буду парохіальнимъ священникомъ“.—Просятъ и о рукоположеніи въ ихъ православную церьковь, на мѣсто Ѳеодора Гдишицкаго, дьячка ихъ церкви Григорія Шиленка. Шиленко оставленъ въ каѳедрѣ для обученія и рукоположенія.

2) Прошеніе къ Гервасію Млієвцевъ *успенскаго* прихода, того же числа, сходно съ прошеніемъ прихожанъ *троицкихъ*. Представимъ только особенности его.

„...Назадъ тому будетъ болѣе двадцати годовъ, невѣдомо почему, епархіи радомышлской протопопъ мошенскій (кой былъ исмѣлянскимъ протопопою), прозваніемъ Гермесъ, а поимени не припомнимъ, когда началъ принуждать въ насъ имѣвшаго тогда православнаго священника Симеона къ римской релєгии ... однакъ оной священникъ, тайно содержуя православное исповѣданіе, по чину православной церкви и церковное отправленіе чинилъ чрезъ нѣсколько годъ. А между тѣмъ, оная наша православная церковъ когда нѣякимсь случаемъ погорѣла, и притомъ

оной священникъ Симеонъ волею Божіею умре, то на мѣсто оной погорѣвшей церквы, по благословенію уже радомышлскаго архіерея, другая новая нами въ то же именованіе построена, а къ оной и священникъ отъ той епархіи Андрей присланъ, которой тамъ до десяти годъ жительствуя по тамошнему уже обикновенію и церковное отправленіе чинилъ. Но мы..." исповѣдывались и пріобщались всегда или у православныхъ священниковъ, или въ мотренинскомъ монастырѣ. „А по умертвіи и онаго священника Андрея, не имѣли мы уже чрезъ нѣсколко годъ настоящаго священника, но бывшій тогда уже другій протопопъ смѣлянскій (кой нинѣ мошенскимъ протопопою) Аѳанасій Гдишицкій ежечасто было опредѣляетъ къ оной нашей церквѣ вѣкаріевъ до сего 1766 года... А сего 1766 года показанній протопопъ Гдишицкій когда прислалъ сина своего священника Василія, рукоположеннаго радомишлскимъ архіереемъ Филлипомъ Володковичемъ, въ оное наше мѣстечко Мглѣевъ за цѣлопарохіалнаго настоятеля, то мы, нижайшіе, опасаясь, дабы онъ какимъ нибудь образомъ ухищрено не принудилъ и насъ къ римскому исповѣданію, возревновавъ по благочестіи..." присягнули предъ иконою и потомъ въ мотренинскомъ монастырѣ дали письменное обязательство хранить православіе вѣчно. Василій Гдишицкій, какъ и братъ его, отказался послѣдовать примѣру ихъ, а потому они просятъ опредѣлить къ нимъ настоятелемъ викарнаго ихъ священника Григорія Хоминскаго (*). Гервасій исполнилъ эту прозьбу.

3) Письмо Елпидифора къ писарю Стебницкому отъ 2 (?) марта „... Еще и о семъ Его Преосвященству обявить прошу: слишно, что тѣ священники, на коихъ мѣсто дани вѣкаріи (яко то и новомглѣевскіе Гдишицкаго

(*) Хоминскій опредѣленъ сюда викарнымъ въ 1761 году, въ помощь зятю протопопа Гдѣшицкаго Даніилу, который было „роспился необичайно". Василій Гдѣшицкій занялъ мѣсто этаго пьяницы въ февралѣ 1766 года, и успѣлъ только прослужить двѣ литургіи. Прошеніе къ Гервасію Хоминскаго № 124 л. 2 и 3.

сыни) скорбятъ и на отца уже своего жалѣютъ, что не допустилъ къ православію, почему лишился парафій, и, какъ видно, старатимутся быть при своихъ приходахъ, когда тое получатъ..“

4) Прошеніе на имя Гервасія мглієвскихъ троицкихъ прихожанъ 30-го апрѣля 1766 года.

„...Ѳеодоръ Гдишицкій, котораго мы хотя три раза просили и обявили ему, чтобъ онъ, присягу утвердивъ, ехалъ съ нами въ каѳедру вашего преосвященства просить вашего архипастырскаго благословенія, однакъ онъ нетолко не пожелалъ быть синомъ православновосточнія церквы и въ паствѣ вашего преосвященства, но еще насъ многократно укорялъ сизматиками и мстится разнообразно похваляяся. Почему мы...“ просили о рукоположеніи Шиленка. „Поворотясь же въ доми свои (изъ Переяславля и мотренинскаго монастыря), отъ священника мглѣевской святоуспенской церквы вѣкарія, кой присоединился вмѣстѣ съ своими прихожанами въ епархію вашего преосвященства, христіанскіе требы получали, и къ оной церквѣ реферовались по неделю цвѣтную минувшаго поста. А между тѣмъ, бывій священникъ нашей приходской троицкой церкви, Ѳеодоръ Гдишицкій, видя себе, что онъ безмѣстенъ остался, къ тому жъ послихавши, что отецъ игуменъ мотренинскаго благочестиваго монастиря съ Варшави отъ Его Величества короля полскаго съ полезною о благочестіи на находящіяся въ Полше православніи церквы резолюцією въ монастиръ прибылъ, шестія недели поста ездилъ съ братомъ своимъ роднимъ, мглѣевской успенской успенской церквы священникомъ, досего бывшимъ настоятелемъ Василіемъ Гдишицкимъ, къ оному отцу игумену въ монастиръ и тамо присягу учинилъ. А оттуду пріехавши ночью противъ цвѣтной недели, никому съ насъ нижайшихъ не обявляясь, точію одному бывшому ктитору Ивану Ропаленку, церковъ нашу, зъ помянутымъ своимъ братомъ священникомъ Василіемъ Гдишицкимъ, кой мѣсто дячка на крилосѣ надлѣжащое тогда отпѣвалъ (и съ) ктиторомъ помянутимъ подкопавъ, войшолъ въ оную, и тамо всенощное бдѣніе, утреню и литургію божественную священно-

дѣйствовалъ. Почему ми, видя показанихъ священниковъ таковую дерзость, когда спросили ихъ и ктитора онаго: ви такъ дерзостно поступаете, и кто вамъ приказалъ церковъ подкапивать, то они намъ на то отвѣтствовали, что отецъ игуменъ приказалъ намъ какъ возможно церковъ отомкнуть, и въ ней священнодѣйствовать. А потомъ и писмо, якобы написанное отъ отца игумена, съ тѣмъ чтобъ его опять попрежнему приняли за настоятеля къ себѣ, намъ прочли, которое когда прочтено, а мы вислушавъ силу оного письма, увѣрясь и непротивясь оному, приняли его къ себѣ точію до времени, которой и понинѣ намъ требы христіанскіе преподаетъ, и въ нашей церквѣ священнодѣйствуетъ. Нынѣ жъ мы нижайшіе вси обще, въ отмѣнность предъ симъ нашего изясненнаго, въ поданомъ отъ насъ вашему преосвященству доношеніи (*), намѣренія, себѣ духовнимъ отцемъ имѣть не желаемъ, а понеже мы, нижайшіе, доразумѣваемся, что онъ, съ помянутимъ братомъ своимъ, не по благочестію ревнуя, но чтобъ не потерять своихъ приходовъ, яко съ нихъ доволное число нажили имущества, ко благочестію присоединился, а притомъ и сего сумнимся, чтобъ онъ, со временемъ, лестію како насъ нижайшихъ не завелъ опять въ проклятое римское инославіе..." Просятъ снова о Шиленкѣ.

Но 19 мая Шиленко подаетъ прошеніе Гервасію о выдачѣ ему грамоты на пріисканіе празднаго священническаго мѣста, и получаетъ ее, такъ какъ „Ѳеодоръ Гдишицкій пожелалъ обратитися къ православно-восточной церквѣ и его паки къ той церквѣ опредѣлено."

19-го же мая и другой млієвскій священникъ, Григорій Хоминскій, опредѣленный къ успенской церкви на мѣсто Василія Гдишицкаго, такъ же проситъ грамоты на пріисканіе себѣ празднаго священническаго мѣста, и получаетъ ее 29 мая.

5) Прошеніе млієвскихъ успенскихъ прихожанъ Гер-

(*) Прошенія этого въ нашихъ бумагахъ не оказалось.

васію, поданное въ концѣ мая (въ переясловской консисторіи помѣчено 31-мъ мая).

Василій Гдишицкій такъ же, какъ и братъ его, выхлопоталъ у Мельхиседека „письмо" на прежній свой приходъ. „Но на то мы, нижайшіе не увѣрились, и думали, что оное кимесь ложно написанно, и ему священнодѣйствовать въ церквѣ нашей не допустили." Въ великій пятокъ пріѣхалъ въ Мліевъ членъ чигиринскаго духовнаго правленія Максимъ Левицкій — убѣждать успенцевъ, чтобы они приняли Василія Гдишицкаго. Народъ весь былъ въ церкви, гдѣ дьячокъ самъ пѣлъ и вычитывалъ утреню. Максимъ пошелъ къ церкви, но ему на порогѣ загородили дорогу—„думали, что уніатскій священникъ," поднялся шумъ. Но нашлись знавшіе лично Максима, пропустили въ церьковь, гдѣ онъ докончилъ утреню, а потомъ сталъ убѣждать—принять Василія „хотя на время." Громада согласилась „точію ему Василію двѣ службы прослужить, а именно: въ великую субботу, да надругой день пасхи, въ якіе дни онъ служенія и имѣлъ. Болѣе жъ мы, нижайшіе, чтобъ онъ въ нашей церквѣ священнодѣйствіе имѣлъ не желаемъ, а понеже мы подлѣнно вѣдаемъ, что онъ не по ревности благочестія, но чтобъ не потерятъ своего прихода.... присягу учинилъ о присоединеніи себе въ благочестіе, и опасаемся притомъ, чтобы современемъ какою лестію не завелъ опять насъ въ погибельное иновѣріе римское..., ибо и отецъ ихъ, нинѣшній смѣлянскій протопопъ, Аѳанасій Гдишицкій и понинѣ на благочестіе не приставалъ, а унѣятской релѣгіе ревностно придержуется, на благочестивія жъ церквы тамо въ заграничныхъ мѣстечкахъ, а паче кои предъ симъ надлежали до его вѣдомства, какъ то и наши мглѣевскіе обѣ церкви, неописанній гонитель, зъ чего жъ надѣятся можно, что и сыновья его, предъ симъ бивіе наши духовніе отцы, тому же подражатели. Ибо когда мы являлись въ минувшій святій великій постъ марта мѣсяца въ катедру здешнюю и доношеніе вашему преосвященству о присоединеніи насъ въ паству вашего преосвященства подавали, то тогда оній протопопъ Гдишицкій, пріѣхавши въ Мглѣ-

евъ, и въ святоуспенскую церковь (яко оная по отъездѣ нашемъ, чтобъ его протопопы синовья а наши бивіе священники, яко противники восточной церквы, въ оную не вводрались и пакостей какихъ не учинили, была заперта), насилно сбивши (замокъ), водрался зъ синомъ своимъ священникомъ успенскимъ Василіемъ Гдишицкимъ, а въ оной келѣхъ, коштомъ Василія, сина его, исправленій, показаній протопопъ отобралъ, и хотѣлъ было и гробницу, коштомъ громады исправленную, взять, но одинъ съ успенскихъ прихожанъ *Данило Кушнѣръ* той гробницѣ взять не допустилъ, спрятавъ въ церковную скриню, за что, прицепясь, протопопъ и его синъ объявленій Василій симъ именно, что простолюдину не надлежитъ касатися священнимъ вещемъ, обговоря губернатору смѣлянскому Вонжу, въ желѣзніе оковы засадилъ, кой содержится въ тюрьмѣ шесть недѣль и понинѣ. И хотя мы ездили неодиножды къ прописанному губернатору и просили за помянутаго невинно страждущаго въ оковахъ, однакъ онъ въ отвѣтъ намъ сказалъ: „пускай самы тѣ ѣдутъ и выручать, кои его засадили.“ Почему мы сыновъ протопопы Грушицкаго, бывшихъ священниковъ нашихъ—троецкаго Ѳедора да святоуспенскаго Василія Гдишицкихъ и просили, чтобъ онаго человѣка зъ оковъ выручили, но они сказали: „когда насъ по прежнему пріймете къ себѣ за духовныхъ отцевъ, то тогда виручимъ зъ оковъ его.“ А къ тому уже мы ваше преосвященство трудили предъ симъ своимъ донесеніемъ, прося, чтобы вѣкарія Григорія Хомѣнскаго ваше преосвященство усиновили къ нашей успенской церквѣ цѣлопарохіалнымъ настоятелемъ; того ради...“ снова просятъ, устранивъ во все Гдишицкаго, оставитъ имъ одного Хоминскаго.

Въ другомъ прошеніи составленномъ и написанномъ въ самомъ Мліевѣ, и подписанномъ всѣми успенскими прихожанами, но безъ означенія мѣсяца и числа, просятъ Гервасія „возрѣти на нихъ окомъ своимъ ласкавымъ и уволнити ихъ отъ честнаго отца Василія Гдишицкаго... мы его нехощемо вси равно и единостайно въ такой способъ, что онъ писання не имѣетъ до престола церкви

нашой, але до Смѣлой имѣетъ на отцевское мѣсце, а мы его не затягали и не прохали и писанія жаднаго ему не давали, а нѣтажъ отцеви его, они сами силою до насъ улѣзли.“ Убѣдительно просятъ о Хоминскомъ „бо есть кротокъ и молчаливъ и склоний до всякихъ людей, а вашъ писаний Василій Гдѣшицкій есть гордый и сварливый, не такъ барзе ся сваритъ, якъ на битву ласий, предто мы его не хоцемо, подъ клятвою нашою всѣхъ насъ...“

Гервасій снова согласился на Хоминскаго, которому уже составлена была вчернѣ и новая грамота на настоятельство въ Млієвѣ. Но на этой же грамотѣ есть канцелярская приписка: „показаная граммата священнику Хомѣнскому не виданна, но до разсмотрѣнія оставленно.“

Видно повсему, что Гдишицкіе входили о себѣ съ прошеніемъ къ Гервасію, или о нихъ хлопоталъ мотренинскій монастырь. Но этихъ бумагъ нѣтъ при „дѣлѣ.“ Между тѣмъ, въ концѣ мая, Мокрицкій уже разъѣзжалъ съ отрядомъ войска и возвращалъ всѣхъ снова въ унію, а въ первой половинѣ іюня на помощь ему явился Вороничъ съ нѣсколькими тысячами войска. Гдѣшицкіе не нуждались болѣе въ благосклонности своихъ прихожанъ, бросили православіе, принятое единственно въ видахъ полученія этой благосклонности и приходовъ своихъ, и выместили млієвцамъ на Кушнирѣ. Е. Кр—скій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

— *Освященіе церкви и обѣдъ въ иркутскомъ духовномъ училищѣ.* Начальство училищное въ 1863 г. озаботилось устройствомъ церкви въ иркутсткомъ духовномъ училищѣ, Доброе предпріятіе Богъ благословилъ успѣхомъ. Епархіальное духовенство прислало посильныя пожертвованія; граждане Иркутска, усердные къ благотворительности во всѣхъ случаяхъ, показали свое усердіе и въ этомъ случаѣ,—въ два, три дня о. протодіаконъ собралъ отъ нихъ 450 руб. серебромъ и рублей на 100 вещами; вознесенскій монастырь прислалъ иконостасъ, а иркутскія—градскія церкви удѣлили отъ своихъ избытковъ утварь и ризницу церковную. 29 февраля 1864 года высокопреосвященномъ Парѳеніемъ, архіепископомъ иркутскимъ, совершены освященіе церкви и первая въ ней литургія. Изъ церкви преосвященный съ сослужащими пошелъ въ квартиру смотрителя училища, гдѣ были собраны наставники семинаріи и училища, г. почетный блюститель семинаріи и нѣкоторые изъ гражданъ. Здѣсь, вмѣсто параднаго обѣда, преосвященный захотѣлъ раздѣлить скромную трапезу съ воспитанниками, которую распорядился приготовить преимущественно изъ своихъ средствъ. Какое прекрасное собраніе представляла въ это время одна изъ училищныхъ комнатъ! За однимъ столомъ сидѣли владыка съ сослужащими, наставники семинаріи и училища и воспитанники училища. Нельзя было не глядѣть на нихъ съ умиленіемъ: въ одномъ почетѣ были тѣ изъ нихъ, которые одѣты были въ сертучкахъ и тѣ, которые были въ халатахъ, кушаньевъ было четыре; онѣ были скоромныя, но для дѣтей лакомыя, посуда и бѣлье приличное, но для многихъ изъ воспитанниковъ необыкновенное. Какъ счастливыми счи-

тали себя дѣти, сидя за одной трапезой съ архипастыремъ, съ начальниками своими и наставниками (Ирк. Еп. Вѣд.)!

— *Къ свѣдѣнію православныхъ иконописцовъ* Съ давнихъ временъ, не только въ Малоросіи, но и въ Великороссіи вошло въ обычай изображать апостола Петра съ ключами въ рукахъ. Основаніе для сего, безъ сомнѣнія, можно указывать въ словахъ Іисуса Христа, обращенныхъ къ апостолу Петру: *и дамъ ти ключи царствія небеснаго*. Но какъ этимъ только обѣщана была Петру та власть *отпускать грѣхи*, которая, по воскресеніи, Іисусомъ Христомъ дана ему вмѣстѣ съ прочими апостолами; то можно спросить, почему только одинъ Петръ изображается съ ключами, какъ символомъ этой власти? почему не изображаются съ ключами прочіе апостолы, имѣвшіе туже власть отъ Господа? Конечно, можно бы и безразлично смотрѣть на эти вопросы, если бы они были безразличны для церкви и для народа. Но извѣстно, что на ключахъ Петра въ Римѣ выросъ особый догматъ, не признаваемый православною церковію и противорѣчащій какъ святому писанію, такъ и духу Христовой церкви. Намъ извѣстно, что и народъ, въ юго-западной Россіи и на сѣверѣ ея, небезразлично относится къ такому изображенію апостола Петра. На основаніи, безъ сомнѣнія, этого изображенія наши народные разсказчики, поэты, художники и иконописцы представляютъ апостола Петра единственнымъ охранителемъ дверей рая, вводящимъ туда праведныхъ и и не допускающимъ входа грѣшникамъ, а потому, естественно, народъ составляетъ себѣ понятіе о Петрѣ, какъ апостолѣ, облеченномъ отъ Бога особеннымъ предъ прочимъ апостолами довѣріемъ и особымъ полномочіемъ. Но изъ древней ли христіанской церкви ведетъ свое начало обычай изображать апостола Петра съ ключами? На Аѳонѣ подобныхъ иконъ нѣтъ, не встрѣчаются ключи на древнихъ иконахъ апостола Петра и въ другихъ мѣстахъ Востока. На фресковыхъ изображеніяхъ древнѣйшихъ кіевскихъ церквей: Спаса на Берестовѣ и кіево-софійскаго собора апостолъ Петръ *безъ ключей*, съ хартіей въ рукѣ. Итакъ, мы въ правѣ сказать, что обычай изображать апо-

стола Петра съ ключами въ рукѣ есть обычай позднѣйшій, вошедшій къ намъ послѣ XI-го вѣка, а можетъ быть и гораздо позже, занесенный къ намъ съ Запада, и потому не можемъ не пожелать, чтобы этотъ обычай, благопріятствующій римскому догмату о главенствѣ апостола Петра и основанномъ на немъ главенствѣ папы, былъ отмѣненъ въ русской церкви. Истина и благо церкви православной требуютъ не только на будущее время не допускать въ церквахъ подобныхъ изображеній, но исправить въ православномъ духѣ и существующія изображенія. Весма правильно было бы изобразить апостола Петра, по древнему обычаю, съ хартіей, на которой написаны его слова: *Симонъ Петръ, рабъ и посланникъ Іисусъ Христовъ, равночестную съ нами получившимъ вѣру въ правдѣ Бога нашего и Спаса Іисуса Христа* (2 Петр. 1, 1). Какъ противоположно такое изображеніе изображенію съ ключами римскими! Здѣсь апостольское смиреніе, тамъ гордыня и превозношеніе.

— *О единообразномъ каждеціи во храмѣ.* Тамбовскій протоіерей Бѣловидовъ „замѣтилъ что нѣкоторые изъ священниковъ, а въ слѣдъ за ними и діаконы кадятъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуетъ“, а потому счелъ нужнымъ не только словесно, но и печатно напомнить, что такое св. престолъ, жертвенникъ и горнее мѣсто, „чтобы яснѣе видѣть, что важнѣе или выше“. Но, объясняя значеніе жертвенника и горняго мѣста съ цѣлію доказать, что жертвенникъ нужно кадить прежде горняго мѣста, о. Бѣловидовъ слишкомъ возвышаетъ значеніе перваго и уменьшаетъ значеніе послѣдняго. Значеніе жертвенника у него даже до того возвышено, что трудно отличить жертвенникъ отъ св. престола. Если дѣйствительно жертвенникъ естъ *Голгофа*, гдѣ преданъ за насъ вѣчный животъ на смерть, и *небо*, на которое возносится Спаситель; то спрашивается, какое будетъ различіе послѣ сего между жертвенникомъ и св. престоломъ, который есть *истинный жертвенникъ*, гдѣ приносится за насъ божественная жертва и ко-

(*) Тамб. Еп. В. 1864 г. № 7.

торый по словамъ же о. Бѣловидова „означаетъ собою горній престолъ царствія Іисуса Христа со Отцемъ и Духомъ?“ Хотя нѣкототые изъяснители литургіи и называютъ жертвенникъ безразлично то *вертепомъ*, въ которомъ родился Іисусъ Христосъ, то *Голгоѳою*, такъ какъ во время проскомидіи воспоминаются обстоятельства рожденія и смерти Спасителя; но мы признаемъ болѣе близкимъ къ существу дѣла значеніе жертвенника какъ мѣста рожденія Спасителя, соображаясь при этомъ съ тѣмъ, что шествіе на Голгоѳу, по ученію православнаго катихизиса, изображается уже послѣдующимъ за проскомидіею перенесеніемъ даровъ съ жертвенника на престолъ во время пѣнія херувимской пѣсни. Жертвенникъ есть, безъ сомнѣнія, священное мѣсто во храмѣ; но при всемъ томъ онъ есть просто столъ для приготовленія даровъ, и не имѣетъ значенія подобнаго престолу, такъ какъ на немъ дары не освящаются: да и при освященіи храма столъ жертвенника только окропляется св. водою наравнѣ съ прочими церковными вещами, не измывается руками священнослужителей и не освящается муропомазаніемъ. По этому мы полагаемъ, что кажденіе, совершаемое предъ жертвенникомъ, относится собственно не къ столу предложенія, а къ самому *предложенію*, т. е. къ приготовленнымъ на немъ дарамъ, которыя называются этимъ именемъ въ молитвѣ по окончаніи проскомидіи. Въ другое же время, когда даровъ не бываетъ на жертвенникѣ, напримѣръ во время вечерни или утрени и при всякомъ другомъ богослуженіи кажденіе относится къ иконѣ жертвенника.

Также не правильно понято о. Бѣловидовымъ и значеніе горняго мѣста. Подъ горнимъ мѣстомъ онъ разумѣетъ „возвышеніе, на которомъ стоитъ сѣдалище епископа—каѳедру епископа“. Но если горнее мѣсто есть не болѣе, какъ сѣдалище епископа; то спрашивается, за чѣмъ же его и кадить? Не кадятъ же и не чествуютъ цѣлованіемъ сѣдалище епископа, находящееся въ каѳедральныхъ соборахъ среди храма. Мы держимся изъясненія отцевъ церкви, по мнѣнію которыхъ горнее мѣсто изображаетъ небесную каѳедру высочайшаго ахіерея—Іисуса Христа и вмѣстѣ съ сопре-

століемъ напоминаетъ намъ о высочайшемъ прославленіи Его на небесахъ, управленіе Его церковію и участіе въ семъ управленіи св. апостоловъ и ихъ преемниковъ; запрестольный же амвонъ есть только подножіе Господа славы, на которое потому дозволяется восходить архіерею, какъ священнослужителю, представляющему лице Іисуса Христа, поставлять свою каѳедру и сидѣть во время чтенія апостола, такъ что названіе горняго мѣста приличествуетъ болѣе изображенію Спасителя въ видѣ первосвященника или царя и другимъ подобнымъ изображеніямъ Его славы и славы пречистой Его Матери, представляющимся обыкновенно за престоломъ, на восточной стѣнѣ алтаря, а не запрестольному амвону или каѳедрѣ епископа. Послѣ сего, весьма естественно во время вечерни и утрени, когда на жертвенникѣ нѣтъ предложенія, кадить послѣ св. престола горнее мѣсто, то есть запрестольныя иконы, а потомъ весь алтарь, и жертвенникъ, т. е. всѣ прочія иконы въ олтарѣ, а въ числѣ ихъ иконы, украшающія жертвенникъ, какъ сказано въ уставѣ церковномъ, а во время литургіи, непосредственно послѣ св. престола, кадитъ *предложеніе* или приготовленные дары, а потомъ горнее мѣсто и весь алтарь, какъ сказанно въ чиновникѣ архіерейскомъ собственно о чинѣ литургіи. Вникнувъ глубже, о. Бѣловидовъ не сталъ бы печатать своихъ толкованій, а редакція не сдѣлала бы выписокъ изъ архіерейскаго чиновника, не согласивъ ихъ съ церковнымъ уставомъ.

При разсужденіи объ этомъ намъ пришли слѣдующія воспоминанія: нигдѣ, кажется, столько не заботились о единообразіи въ обрядахъ и нигдѣ эти заботы не произвели столько разнообразія, какъ у насъ въ Россіи. Есть люди, которые и теперь малѣйшимъ разнообразіемъ въ обрядѣ гораздо болѣе обезпокоиваются, чѣмъ отступленіемъ отъ истины или нравственнымъ соблазномъ. Многимъ, вѣроятно, приходилось быть свидѣтелями тревогъ, а иногда и перерыва на нѣсколько минутъ самаго богослуженія, если по неумѣнію или ошибкѣ дьячекъ прочитаетъ тропарь святому вмѣсто праздничнаго, или богоро-

диченъ вмѣсто крестобогородичнаго, и т. п. Здѣсь конечно есть ревность, но, кажется, она слишкомъ привязана къ такимъ вещамъ, къ которымъ можно относиться спокойнѣе и погрѣшность въ которыхъ далеко не такъ опасна, какъ это представляется инымъ ревнителямъ, между тѣмъ какъ споры о подобныхъ предметахъ приводили и могутъ приводить иногда и къ дѣйствительнымъ опасностямъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

съ 1-го іюля 1864 года будетъ въ кіевѣ издаваться

„КІЕВЛЯНИНЪ"

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Край этотъ—русскій, русскій, русскій!
И. Аксаковъ („День").

Изданіе новой газеты начинается въ то время, когда край въ слѣдствіе преступныхъ и безразсудныхъ посягательствъ польской пропоганды, сталъ въ ненормальное положеніе, задерживающее въ немъ покойное и правильное развитіе благосостоянія.

Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется съ одной стороны задача газеты, какъ органа общественнаго мнѣнія большинства здѣшняго населенія, а съ другой стороны нѣсколько исключительный характеръ ея.

Край здѣшній — „*край, русскій, русскій, русскій.*" Это положеніе признаетъ за аксіому исторія въ прошломъ, огромная масса современниковъ и животрепещущая дѣйствительность въ настоящемъ. За аксіому признаетъ его, по внутреннему убѣжденію, и ничтожное количество противниковъ; оно не хочетъ только, изъ-за своихъ особыхъ

цѣлей, *громко* сознаться въ томъ, что вполнѣ сознаетъ и чего не сознавать не можетъ. Поэтому, приводить новыя доказательства того, что уже доказано ясно, какъ день Божій, значило бы переливать изъ пустого въ порожнее. Редакція не беретъ на себя этой миссіи. Она исходитъ прямо отъ аксіомы: „это край русскій, русскій, русскій,“ и подъ угломъ зрѣнія этой непререкаемой истины, будетъ высказывать свой взглядъ на потребности края, на взаимныя отношенія населяющихъ его національностей и на его отношенія къ единокровной, единовѣрной и единоязычной съ нимъ Россіи, которой матерью слыветъ искони главный городъ края—Кіевъ.

И такъ:

1. *Это край русскій*. Вполнѣ убѣжденная въ этомъ редакція будетъ проводить мысль о необходимости постепеннаго введенія въ край администраціи въ русскомъ духѣ и изъ русскихъ людей. Печальная дѣйствительность послѣднихъ годовъ ясно доказала, что отступленіе отъ этой системы отдаетъ спокойствіе и благосостояніе ¹⁰/₁₁ частей сельскаго и городскаго населенія въ жертву незаконныхъ посягательствъ ¹/₁₁ части, сильной не числомъ, не правомъ, но образованіемъ, основаннымъ на признаніи нравственными и законными всѣхъ средствъ для достиженія извѣстной цѣли. Край нашъ на столько кровно и испоконъ вѣка русскій, что опасаться *совершенной* колонизаціи его нечего: чистою и нерушимою отстоялъ народъ святыню своей народности изъ подъ гнета невыносимыхъ страданій въ борьбѣ съ польскою уніей, съумѣлъ онъ защитить ее на нашихъ глазахъ, когда, прошлою весной, всталъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ инсургентовъ. Но, если не разумно опасаться за цѣлость и существо русской народности въ юго-западныхъ губерніяхъ, то, съ другой стороны, мы не должны въ самообольщеніи закрывать глаза на то, что дѣйствительно случилось: благодаря нашей безпечности, преступныя ухищренія польской пропаганды успѣли сообщить православному русскому краю, въ нѣкоторой степени, католическую и польскую *окраску*. Наконецъ, можно и должно опасатья за то, что безумныя

попытки меньшинства могутъ и впредь нарушить спокойствіе края. Нечего далеко ходить за доказательствами, довольно привести одно: ненормальное состояніе края помѣшало и, быть можетъ, еще надолго помѣшаетъ введенію въ немъ земскихъ учрежденій, такъ много обѣщающихъ правильному развитію будущаго народнаго благосостоянія.

2. *Это край русскій.* Народное образованіе, разумѣя подъ этимъ словомъ какъ обученіе, такъ и воспитаніе, должно быть утверждено сколько на началахъ христіанскихъ и общечеловѣческихъ, столько же на началахъ православныхъ и русскихъ, должно совершаться на русскомъ языкѣ, людьми русскими. Вполнѣ сочувствуя вѣковѣчной, святой истинѣ: „я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо,“ мы тѣмъ не менѣе всѣми силами души отвергаемъ узкое, при всей его космополитической оболочкѣ, правило: „гдѣ намъ хорошо, тамъ и отечество.“ Дѣти земли русской, плоть отъ плоти ея, кость отъ костей ея, мы признаемъ не только незаконною, но даже немыслимою всякую попытку на жизнь края, отрѣзаннаго отъ общаго государственнаго организма. Изъ этого не должно заключать, чтобы мы были приверженцами строгой централизаціи или безусловной правительственной опеки. Мы первые высказываемъ сожалѣніе о томъ, что смуты настоящаго времени мѣшаютъ введенію въ юго-западныхъ губерніяхъ новыхъ учрежденій, предоставляющихъ вѣдѣнію земства развитіе его потребностей и интересовъ, сообразно съ мѣстными условіями. Нѣтъ; провозглашая начало политическаго единенія съ русскимъ отечествомъ, мы опредѣляемъ взглядъ нашъ на всякихъ сепаратистовъ, на *мановъ* различнаго проименованія: теоріи ихъ мы признаемъ не болѣе, какъ *маніею*, а самихъ теоретиковъ—не болѣе, какъ *мономанами.*

3. *Это край русскій.* Русскіе здѣсь исконные хозяева, поляки—гости, пришельцы, захватившіе, вслѣдствіе разныхъ неправдъ, хозяйственное право въ странѣ. Вотъ уже около столѣтія, какъ русскіе возвратили права, неправедно отъ нихъ отнятыя. Русскій народъ отличался

искони гостепріимствомъ, но онъ искони держался и присловя: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ“. Мы полагаемъ, что именно на этомъ началѣ условнаго гостепріимства должны установиться нормальныя отношенія въ здѣшнемъ краѣ между русскимъ кореннымъ, хозяйствующимъ, и между польскимъ, пришлымъ, на правѣ гостей состоящимъ населеніемъ. Добрыя отношенія между хозяевами и гостями теперь нарушены. Кто виноватъ? ясно, что тѣ, которые подняли снова порѣшенную исторіей вѣковую тяжбу: разными правдами и неправдами задумала горсть гостей подчинить непрошенному уставу многочисленныхъ хозяевъ.

Мы не можемъ однакоже не сознаться, что было время, когда, поддерживая справедливо и законно русскій элементъ въ краѣ, администрація перешла въ наступательное положеніе и мечтала вдругъ и крутыми мѣрами совершить то, на что необходимы вѣка и не однѣ механически-понудительныя мѣры, — мечтала руссифировать и польское населеніе въ краѣ. Временемъ этихъ, едва ли въ полнѣ раціональныхъ, попытокъ былъ періодъ съ 1838 по 1852 годъ. Въ слѣдовавшее за тѣмъ десятилѣтіе, съ 1852 по 1862 годъ, оставивъ эту систему изъ побужденій въ высшей степени благородныхъ и человѣчныхъ, администрація и самое общество вдались въ другую крайность, еще болѣе вредную для края: мечтательныя попытки насильно руссифировать польское населеніе были оставлены; но, вмѣсто того, чтобы, оставя наступательное положеніе, бдительно охранять и поддерживать русскую жизнь въ краѣ, мы, по свойственной русской натурѣ безпечной довѣрчивости, спустили рукава и проглядѣли, какъ поляки, выѣзжая на похвалахъ нашей гуманности, стали посягать на святыню народной вѣры, языка и закона въ большинствѣ русскаго населенія. Послѣ обнародованія знаменитаго польскаго катихизиса, подобное ослѣпленіе едва ли возможно. Но, и при чувствѣ вполнѣ законной недовѣрчивости къ послѣдователямъ катихизиса, мы остаемся вѣрны своему условному гостепріимству: мы не посягнемъ на святыню чужой вѣры, чу-

жаго языка, чужой народности, но однакоже не будемъ распространять этой народности меньшинства или потворствовать ей; мы говоримъ полякамъ: „мы хозяева, вы гости; добро пожаловать! Но если вы нарушите покой въ домѣ, но если вы захотите быть хозяевами въ гостяхъ,— дорога скатертью!“

4. *Это край русскій.* Органъ русскаго общественнаго мнѣнія, газета наша, изобличая козни враговъ, всегда будетъ отстаивать родные интересы, но отстаивать ихъ будетъ добросовѣстно и честно. Безъ чувства глубокаго презрѣнія нельзя читать въ какомъ нибудь „*Часъ*“ или какой нибудь „*Хвилъ*“ площадной брани и нелѣпо-ложныхъ извѣстій, направленныхъ противъ насъ поляками, которые считаютъ всѣ средства хорошими и нравственными для своей цѣли. Если подобныя средства неизвинительны для безсильнаго и только изобличаютъ злобу безсилія, то еще менѣе извинительны они для тѣхъ, на сторонѣ которыхъ правда и сила. На этомъ основаніи мы не можемъ допустить въ своей газетѣ статей, рѣзкихъ до забвенія чувства приличія; не можемъ также вполнѣ одобрить и очень понятныхъ, по благородному чувству патріотизма, справедливо раздраженнаго, но едвали вѣрно извѣщаемаго, статей, въ которыхъ судъ объ извѣстныхъ явленіяхъ произносится на основаніи слуховъ, не всегда надлежащимъ образомъ повѣренныхъ, иногда преувеличенныхъ, а иногда и вовсе ложныхъ. Матеріалъ, сообщаемый статьями этого рода, можетъ служить иногда очень хорошимъ средствомъ къ открытію глазъ для администраціи, ни въ какомъ случаѣ не всевѣдущей, но едвали онъ можетъ служить основою окончательнаго суда надъ системою, которой результаты далеко еще не выяснились.

Во всякомъ случаѣ, относительно враждебнаго намъ польскаго населенія, мы постараемся, на сколько человѣку возможно подъ вліяніемъ раздражающей минуты, держаться словъ великаго Пушкина:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
„Мы не напомнимъ нынѣ имъ
„Того, что древнія скрижали

„Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
„Они народной Немезиды
„Не узрятъ гнѣвнаго лица."

Мы готовы скорѣе вызывать изъ могилъ не окровавленныя тѣни Остряницъ или Наливаекъ, но тѣнь Ѳ. Чацкаго, которому, каковы бы ни были его затаенныя мысли, край обязанъ за многое по дѣлу образованія.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать двѣ мысли:

1. Край нашъ въ положеніи ненормальномъ. Чѣмъ скорѣе онъ выйдетъ изъ него, тѣмъ лучше. Въ этомъ всѣ согласны, и мы въ томъ числѣ. Съ нашей стороны позволяемъ себѣ желать, чтобы край нашъ вышелъ изъ ненормальнаго положенія *успокоеннымъ, но неразоренным*ъ.

2. Край нашъ не Царство Польское и даже не Литва; край нашъ—край русскій, русскій, русскій—и поэтому, чѣмъ менѣе онъ, по своему ненормальному положенію и по мѣрамъ къ устраненію въ немъ этого положенія, будетъ походить на Царство Польское, тѣмъ болѣе становится яснымъ для друзей и недруговъ, что

это край русскій, русскій, русскій.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ.

Газета будетъ выходить съ 1-го іюля 1864 года по три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, нумерами въ объемѣ печатнаго листа и болѣе, по слѣдующей программѣ.

I. Извѣстія и статьи мѣстнаго интереса. Сюда относятся: 1) *Оффиціальныя извѣстія*, быстро и вѣрно передаваемыя по источникамъ первой руки: a) по военному округу; b) по генералъ-губернаторству; c) по университету и учебному округу; d) по духовному вѣдомству. 2) *Неоффиціальныя извѣстія* и статьи. Подъ этой рубрикой будутъ заключаться какъ извѣстія, почерпаемыя изъ частныхъ корреспонденцій, такъ и статьи о разныхъ текущихъ вопросахъ, касающихся интересовъ юго-западнаго

края. Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ и *передовыя статьи редакціи.*

Вообще редакція, по существу своего изданія, ставитъ отдѣлъ мѣстный на первомъ планѣ въ своей газетѣ и постарается дать ему самое многостороннее развитіе.

II. Извѣстія и статьи обще-русскаго интереса. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы: 1) *Оффиціальныя свѣдѣнія* о важнѣйшихъ для каждаго рускаго событіяхъ въ отечествѣ и резонированныя извлеченія изъ разныхъ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженій. 2) *Неоффиціальныя извѣстія* и статьи о разныхъ общественныхъ вопросахъ и явленіяхъ русской жизни.

III. Извѣстія и статьи обще-европейскаго интереса, а именно: 1) *Телеграммы* о важнѣйшихъ событіяхъ (*); 2) еженедѣльное *обозрѣніе* существенно-важныхъ явленій *политической жизни европейскаго міра.*

IV. Фельетонъ экономическій, историческій, этнографическій, литературный и художественный (музыка, театръ и т. п.) (**).

V. Справочныя извѣстія и объявленія.

Главную редакцію газеты принимаетъ на себя бывшій профессоръ университета св. Владиміра В. Я. Шульгинъ. Онъ расчитываетъ на содѣйствіе слѣдующихъ лицъ: В. Г. Авсѣенко, Е. В. Богдановича, Н. Х. Бунге, В. Г. Демченко, М. П. Драгоманова, А. И. Линниченко, Н. К. Ренненкампфа, И. Й. Слѣпушкина, Ю. Д. Сидоренко, М. А. Тулова, С. М. Ходецкаго, Г. М. Цѣхановецкаго и др.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ ста-пяти-

(*) Редакція постарается получать телеграммы изъ С.-Петербурга и слѣдовательно публиковать ихъ недѣлею раньше полученія столичныхъ газетъ по почтѣ.

(*) Редакція допускаетъ въ своей газетѣ полемическія статьи всякаго рода, но только о вопросахъ дѣйствительно серьозныхъ и имѣющихъ болѣе или менѣе общественное значеніе, написанныя съ соблюденіемъ выраженій, не оскорбляющихъ ни въ комъ человѣческаго достоинства.

десяти №№, шесть рублей, съ пересылкою или доставкою на домъ восемь рублей. За полугодовое изданіе четыре рубля, съ пересылкою или доставкою на домъ пять рублей.

Подписка принимается: въ Кіевѣ въ Конторѣ газеты „Кіевлянинъ", при книжномъ магазинѣ С. И. Литова, на Крещатикѣ; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ его же Литова, на Малой Садовой въ домѣ Армянинова. Иногородные адресуютъ: *въ Кіевъ, въ редакцію газеты „Кіевлянинъ."*

Редакторъ *В. Шульгинъ*.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 28 мая 1864 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ Университетской типографіи.

[illegible] шесть рублей [illegible] кою на домъ восемь рублей. [illegible] четыре рубля, съ пересылкою [illegible] на домъ пять рублей.

Подписка принимается: въ Кіевѣ въ конторѣ газеты „Кіевлянинъ", при книжномъ магазинѣ С. И. Литова, на Крещатикѣ; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ его же Литова, на Малой Садовой въ домѣ Армянинова. Иногородные адресуютъ: *въ Кіевъ, въ редакцію газеты „Кіевлянинъ."*

Редакторъ *В. Шульгинъ.*

Печатать дозволяется. Кіевъ. 16 мая 1864 г. Ценсоръ [illegible].
Въ Университетской типографіи.